

АНТРОПОГЕНДЕРНАЯ ПРОНОМИНАЛЬНАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЕ ВЕЩНОГО МИРА

Антропогендерна прономінальна транспозиція як одна із контамінованих форм досить поширена в текстах художньої прози, фольклорних та авторських казок, коли одночасно відбувається персоніфікація та гендерна ідентифікація об'єкта зображення за допомогою відповідних прономінальних одиниць, в яких актуалізується категорія роду.

Особливість образно-стилістичного функціонування прономінальних транспозитивів полягає в тому, що антропогендерна транспозиція стає могутнім засобом метафоризації.

Ключові слова: транспозитивні займенники, антропогендерна прономінальна транспозиція, прономінальний субститут, персоніфікація, метафоризація.

Anthropogender transposition as one of the contaminated forms is widely applied in fiction, folklore and author's fairy tales in case simultaneous personification and gender identification of the portrayed object have taken place. The phenomenon is realized by means of corresponding pronominal units within which a gender category is actualized.

Figurative and stylistic functioning of pronominal transpositive peculiarities is revealed in anthropogender transposition as a powerful means of metaphorization.

Key words: transpositive pronouns, anthropogender pronominal transposition, noun-zoosemism; pronominal substitute, gender seme, personification, metaphorization.

В настоящее время актуальными являются исследования, в которых особое внимание уделяется когнитивному аспекту лингвистики, в том числе художественному познанию действительности [1; 2]. Художественное представление мира в образах дает возможность по-новому взглянуть на известные явления и предметы, выявить их скрытые качества, что немаловажно для постижения их сути. Вопросы изучения все новых аспектов тропогенеза невольно выводят на проблемы про-

номинальной транспозиции, которая играет большую роль в создании метафорических образов. Это направление грамматической, а точнее морфологической стилистики детально пока не рассматривалось, хотя значение прономинальных средств в создании тропов подчеркивалось в целом ряде исследований [3; 4; 5].

В нашей статье мы подробнее остановимся на антропогендерной транспозиции и на функциях прономинальных единиц в создании метафорических образов.

Под антропогендерной транспозицией понимается замена местоимений мужского рода и женского рода местоимением неопределенного рода *it*, а также обратная замена, когда местоимения неопределенного рода вытесняются местоимениями одушевленного блока с четко выраженной гендерной отнесенностью (*he, his, her* и т. д.).

Под антропогендерным образом мы понимаем образ, возникающий в результате персонификации и одновременной гендерной идентификации исходного явления или предмета.

Создание одушевленных образов в этом случае происходит в результате вытеснения имперсональных гендерно-неопределенных местоимений (*it, its, itself*) персональными гендерно-определенными местоимениями (личными *he — she; him — her*; притяжательными *his — her*; возвратными *himself — herself*).

Подобные замены приводят к метафоризации соответствующих объектов, при этом могут возникать как оригинальные, так и стертые метафоры.

Подчеркнем, что, в отличие от многих флективных синтетических языков, где роль местоимений в метафоризации не столь велика, в английском языке местоимение может оказаться единственным актуализатором стилистического приема персонификации, т. е. индикатором гендерной идентификации персонифицированного предмета или феномена. Это объясняется тем, что аналитический характер английского языка обуславливает наличие ограниченного арсенала средств вербальной актуализации категории гендера.

Конечно, местоимения далеко не всегда являются единственным средством антропогендерной метафоризации. При развернутой метафоре они находятся в тесном взаимодействии с глаголами персонифицированного действия, прилагательными персонифицированных качеств или существительными с прозрачной семьей гендерной принадлежности, которая, как правило, согласуется в роде с использованным местоимением. Однако в развернутой метафоре

стилистическо-грамматические функции могут быть и довольно четко распределены: существительные, глаголы, прилагательные чаще всего выполняют функцию общей персонализации, а местоимение конкретизирует гендерную принадлежность одушевленного явления или предмета.

Антропогендерная транспозиция затрагивает различные концептуальные сферы, в том числе такие, как “фауна и флора”, “пространственно-географические объекты”, “природные явления”, “абстрактные понятия”, “вещный мир”.

Очень часто метафоризации подвергаются конкретные неодушевленные предметы, в том числе и бытового характера. Круг этих предметов практически не ограничен. В зависимости от сюжета и замысла авторы могут персонифицировать любые предметы окружающего мира. Поскольку категория грамматического рода в английском языке нового времени для предметных существей никогда не была актуализирована, то выбор родового признака остается исключительно делом индивидуальных предпочтений.

Подчеркнем, что попытки понять семантическую мотивацию родовую принадлежности индоевропейских языков в целом успехом не увенчались [6: 154].

Обычно высказывается мнение, что данные системы являются результатом частичного преобразования какой-то более древней (и более мотивированной) “классной” системы (скорее всего, двучленной), но точный тип этой более древней системы установить не удается.

В поисках семантической доминанты, определяющей разбиение на мужской и женский род неодушевленных объектов, ученые часто обращаются, вслед за голландским типологом К. К. Уленбеком, к так называемому признаку “активности”, не связанному прямо с одушевленностью и личностью: “активностью” могут наделяться разрушительные стихии, инструменты, светила и т. п. [ibid.].

Как отмечает В. А. Плунгян, “понятию активности трудно дать независимое от конкретного материала определение, и это открывает большой простор для произвольных интерпретаций. Приходится признать, что вопрос о происхождении и семантической мотивации большинства известных родовых систем остается открытым” [6: 154].

В английском языке родовая недетерминированность по сравнению даже с другими германскими языками ещё шире (ср. с немец-

ким языком, где неодушевленные существительные имеют привязку к определенному грамматическому роду). Это позволяет авторам фольклорных и художественных произведений проявлять свою творческую фантазию, по сути дела, неограниченно.

Действительно, даже в фольклорной сказке трудно найти какие-либо предметы с устойчивыми гендерными признаками, которые бы актуализировались при олицетворении. Ещё большей свободой пользуются здесь писатели, создающие свои собственные сказки. Например, *cracker* (хлопушка) и *rocket* (ракета) у О. Уайльда являются сущностями мужского рода:

1) *Suddenly, a sharp, dry cough was heard, and they all looked around. It came from a tall, supercilious — looking Rocket, who was tied to the end of a long stick. He always coughed before he made any observations, so as to attract attention [7: 71].*

2) *“Order! Order!” cried out a Cracker. He was something of a politician, and had always taken a prominent part in the local elections, so he knew the proper Parliamentary expression to use [ibid.].*

Именно так увидел писатель в своих сказках мир одушевленных им пиротехнических средств. Очевидно, пиротехника всё же мужское занятие, поэтому и сказочные “участники” фейерверка являются представителями сильной половины человечества. В данных примерах имеет место окказиональная антропогендерная прономинальная транспозиция, когда наделение того или иного предмета женскими или мужскими качествами обусловлено исключительно личным творческим замыслом автора, его собственным мироощущением. Подобные метафорические антропогендерные образы не имеют опоры в каких-либо фольклорных или иных первоисточниках, что позволило бы говорить об их интертекстуальном статусе.

Гораздо реже подобная транспозиция встречается в драматургическом тексте. Её иногда применяют классики американской драматургии. В пьесе О’Нила “Волосатая обезьяна” главный герой кочегар Роберт Смит персонифицирует печь, рабом которой он себя считает. Она для него живое существо, высасывающее из него все силы, но вместе с тем дающая ему средства к существованию:

Yank (His voice rising exultantly in the joy of battle). Dat’s de stuff! Let her have it! All together now! Sling it into her! Let her ride! Shoot de piece now! Call de toin on her. Drive her into it! Feel her move! Watch her smoke! Speed, dat’s her middle name! Give her coal, youse guys! Coal, dat’s, her booze. Drink it up, baby.<...>Dere she go-o-es. [8: 71].

Роберт и его подручные, наконец, накормили ненасытную печь, которая им кажется то маленькой девочкой, то хищной женщиной, никого не щадящей и поглощающей всё и вся.

Существует четкая гендерная идентификация многих неодушевленных объектов, которые персонифицируются в диалекте, на котором говорят персонажи романа Дж. Стейнбека “Гроздь гнева”.

Наряду с пространственно–географическими концептами, здесь антропогендерной транспозиции подвергаются и такие объекты вещного мира, как *axe, car, ridge-pole* и др. За счет устойчивого использования местоимений *she* и *her* они получают гендерную идентификацию как сущности женского рода. Так, говоря о машине, Том сообщает о том, что собирается её заправить:

“Al”, he said, “I’m gonna fill her up, an’ then you drive some” [9: 241].

Тенденцию к женской гендерной привязке машин, плавучих средств и механизмов (*ship, boat, balloon*) заметил ещё К. Бруннер. Он считает, что употребление жен. рода для слова *ship* — древнее. Ученый предположил, что женский род здесь обусловлен тем, что все названия судам ещё в XIII–XIV вв. давались на основании французской практики по аналогии со словом *la nef* [10: 26].

Автомобиль вообще очень часто отождествляется в разговорной речи с живым существом, причем женского рода. Особенно это характерно для речи профессиональных шоферов и владельцев автомобилей, что находит отражение в персонажной речи художественных произведений:

“Is everything all right, Hawkins?” The chauffeur touched his cap. “Yes, m’lady. She’s been thoroughly overhauled” [11: 118].

Однако подобную транспозицию нельзя назвать устойчивой, поскольку в рамках даже одной реплики говорящий может использовать нормативный и транспозитивный варианты:

“That Standard is pretty much on its last legs,” mused Bobby. “But I think it would just get you there. The Essex is a bit too good for the job. She’ll go at least two hundred before breaking down.” [ibid.: 81].

В целом следует отметить, что, во-первых, антропогендерная транспозиция имеет чрезвычайно широкую сферу применения и является средством создания стилистических приемов, в частности таких, как персонификация.

Она также участвует в создании социопсихолингвистического портрета персонажа.

Во-вторых, гендерная идентификация при персонификации объектов вещного мира не подчиняется каким-либо закономерностям, хотя и наблюдается некоторое тяготение говорящих на английском языке к женской родовой идентификации различных машин и механизмов. Очевидно, это связано с тем, что мужчины, которым в основном и приходится с ними работать, рассматривают их, — с некоторой долей шутливой иронии, — как подругу или партнершу, при этом достаточно капризную и требовательную.

Определенную роль здесь могла сыграть и традиция, сложившаяся под влиянием французского языка. Это прежде всего касается различных плавучих средств.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М.: РАН, 1997. — 327 с.
2. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 173–204.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. — 3-е изд., испр. — Одесса: Латстар, 2002. — 292 с.
4. Мізецька В. Я. Пронімінальна транспозиція в різних типах тексту // Науковий вісник Чернівецького ун-ту. — 2003. — Вип. 165–166. — С. 124–130.
5. Михайлюк Н. П. Пронімінальна транспозиція як складова частина морфологічної транспозиції та засоби її реалізації // *Studia Germanica et Romanica*: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: Науковий журнал / Ред. кол.: В. Д. Каліущенко (голов. ред.) та ін. — Донецьк: ДонНУ, 2008. — Т. 5. — № 2 (14). — С. 34–39.
6. Плу́нган В. А. Общая морфология. — М.: Эдиториал УРСС. — 2000. — 383 с.
7. Wilde O. Fairy Tales. — М.: Progress Publishers, 1979. — 212 p.
8. O'Neill E. The Hairy Ape // Guterman N. and oth. Reader in Modern American Literature (1917–1941). — М., 1974. — P. 67–75.
9. Steinbeck J. The Grapes of Wrath. — М.: Progress, 1978. — 530 p.
10. Бруннер К. История английского языка: В двух томах. Изд. 2-е / Пер. с англ. Под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. — М.: Эдиториал УРСС, 2003. — 720 с.
11. Christie A. Why didn't They Ask Evans? — М.: Менеджер, 2004. — 287 с.